Дата поступления рукописи в редакцию: 27.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-161-167
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

ГРИБКОВ Тимур Дмитриевич,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
e-mail: gribkov.timur@list.ru

ШЕБАЛИН Александр Владимирович,
доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
e-mail: nauka_lo@mail.ru

ПРИНЦИП БЕСПРИСТРАСТНОСТИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВОГО СУДЬИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу беспристрастности мирового судьи как многоаспектной правовой категории. Актуальность темы обусловлена стабильно низким уровнем доверия населения к судебной системе, а также коррупционными скандалами, подрывающими авторитет судейского корпуса. Внимание уделяется субъективной беспристрастности как личностно-психологической характеристике судьи, её соотношению с независимостью, а также этическим и эмоциональным аспектам правоприменения. Исследуются обязанность мотивировки судебных актов и значимость внесудебного поведения судьи. На основе анализа практики Комиссии Совета судей РФ по этике обосновывается презумпция беспристрастности и её опровержимый характер. Затрагивается проблема использования искусственного интеллекта в правосудии. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования, усиления этической составляющей и сохранения человеческого фактора как ключевой гарантии справедливого правосудия.*

Ключевые слова: *мировой суд; независимость; беспристрастность; мотивировка судебных актов; искусственный интеллект; правовой статус.*

Для цитирования: *Грибков Т. Д., Шебалин А. В. Принцип беспристрастности в правовом регулировании и деятельности мирового судьи // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 161–167.*

GRIBKOV Timur Dmitrievich,
Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

SHEBALIN Alexander Vladimirovich,
Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

THE PRINCIPLE OF IMPARTIALITY IN THE LEGAL REGULATION AND ACTIVITIES OF THE JUSTICE OF THE PEACE

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the impartiality of a magistrate as a multifaceted legal category. The relevance of the topic is due to the consistently low level of public trust in the judicial system, as well as corruption scandals that undermine the authority of the judiciary. Attention is paid to subjective impartiality as a personal and psychological characteristic of a judge, its relationship with independence, as well as the ethical and emotional aspects of law enforcement. The paper examines the obligation to provide reasoning for judicial acts and the significance of a judge's extralegal conduct. Based on an analysis of the practice of the Ethics Commission of the Council of Judges of the Russian Federation, the presumption of impartiality and its rebuttable nature are substantiated. The issue of using artificial intelligence in justice is addressed.*

The conclusion is drawn that it is necessary to improve legislative regulation, strengthen the ethical component, and preserve the human factor as the key guarantee of fair justice.

Key words: *magistrate court; independence; impartiality; reasoning for judicial acts; artificial intelligence; legal status.*

For citation: *Gribkov T. D., Shebalin A. V. The principle of impartiality in the legal regulation and activities of the justice of the peace. Russian scientific bulletin. 2026;(11):161–167. (In Russ.).*

Ежегодно средства массовой информации рисуют печальную картину задержания, расследований и осуждения судей за коррупцию. В 2025 году СК РФ против 23 судей были возбуждены уголовные дела по коррупционным составам, с 2023 году широкую известность получило «дело судей»-взяточников в Ростовской области.

Судебная система переживает период, отмеченный резким падением доверия, которое, к сожалению, ежедневно подпитывается рассказами о сомнительном или неуместном поведении представителей судейского корпуса: к примеру, резонансное «дело Долиной» породило в обществе сомнения в беспристрастности судей. По данным ВЦИОМ на март 2025 года, деятельность судебной системы одобряют всего лишь 36,6% респондентов, причем негативный уровень оценки работы судов остается достаточно стабильным на протяжении нескольких лет (по данным ФОМ более половины опрошенных – 56% в 2017 году и 51% в 2020 году – считали, что большинство российских судей берут взятки).

В 2026 году Председатель ВС РФ И. Краснов, выступая на Всероссийском съезде судей, обратил внимание на необходимость повышать требования к обеспечению независимости и беспристрастности служителей Фемиды. На том же съезда Президент РФ В.В. Путин призвал судей укреплять доверие граждан к судейскому корпусу через приверженность принципу беспристрастности [1]. Изложенное побуждает нас обратиться к анализу принципа беспристрастности в правовом регулировании и деятельности мирового судьи.

Беспристрастность, как это указано в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года и статье 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 года выступает в качестве неотъемлемого элемента права каждого на справедливое судебное разбирательство и обязательного требования к судье при отправлении правосудия.

Помимо ссылки, содержащейся международных актах, закрепляющих основные права, ценность беспристрастности напоминается в Кодексе судейской этики от 19 декабря 2012 года (далее – Кодекс этики) в следующих положениях:

в преамбуле, где говориться, что «судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности»,

в ст. 5, которая гласит, что «на протяжении всего срока пребывания в должности судья не должен осуществлять никакой деятельности, которая могла бы поставить под сомнение его независимость и беспристрастность и привести к конфликту интересов»;

в ст. 8, которая предусматривает, что «судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса»;

в ст. 9, раскрывающей содержание принципов объективности и беспристрастности, согласно положениям которой беспристрастность судьи означает его свободу от каких-либо предпочтений, предубеждений и предвзятости как в ходе судебного разбирательства, так и во внеслужебном поведении, что необходимо для поддержания доверия общества к правосудию. Судья обязан отказаться от рассмотрения дела при наличии законных оснований для отвода, конфликта интересов или иных обстоятельств, ставящих под сомнение его объективность, включая давление на него или его близких;

в ст. 14, 18, 22, предписывающих судье воздерживаться от высказываний, которые могут скомпрометировать его имидж беспристрастного служителя правосудия.

Полагаем, что Кодекс этики выполняет две функции: во-первых, предоставляет обществу знания о правилах, которым обязаны следовать судьи, тем самым обеспечивая ясность в отношении поведения, которое они должны соблюдать профессиональной и повседневной жизни, позволяя обществу требовать от судей уважения к принятым обязательствам, и во-вторых, предназначен для этического развития судьи, формирования его профессионального образа мышления, социального поведения в отношениях с учреждениями, публичной властью, гражданами и участниками судопроизводства, прессой и другими средствами массовой информации.

Положение о беспристрастном судье не был введено в Конституцию РФ ни в первоначальной редакции 1993 года, ни с учетом масштабных конституционных поправок в 2020 году. Однако текст статьи 3 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) напоминает об этом прин-

ципе, предусматривая, что судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.1998 № 188-ФЗ не оперирует термином «беспристрастность», однако в статье 5 указано, что к мировым судьям предъявляются все те требования, которые закреплены в вышеупомянутой статье 3, где данный принцип также не конкретизирован. В отраслевых процессуальных кодексах беспристрастность судьи упоминается, но не ее содержание не раскрывается.

Ряд положений Закона о статусе судей и отраслевого законодательства направлены на обеспечение реализации принципа беспристрастности, такие как требования о несовместимости с иными видами деятельности, несменяемости, неприкосновенности и правила, касающиеся подсудности.

Следует согласиться с Т.В. Трубниковой, отмечающей, что правовое регулирование принципа беспристрастности в российском законодательстве представляется недостаточно полным и системным, поскольку оно носит фрагментарный характер и не обеспечивает единообразного понимания и применения данного принципа на всех уровнях судебной системы [2, с. 51].

В таких обстоятельствах осмысление беспристрастности судебной власти, являющейся важнейшим условием для эффективной судебной практики, представляют собой сложную научную задачу и требуют от правовой доктрины системного теоретического анализа.

Субъективная составляющая беспристрастности. А.Н. Сачков полагал, что качество отправления правосудия мировыми судьями определяется двумя взаимосвязанными факторами: профессиональным пониманием ими своей социально-государственной роли и реально действующей гарантией независимости судебной власти. «При этом ключевым элементом данной юридической конструкции … является субъективная беспристрастность мирового судьи, которая, проявляясь в его профессиональной правовой культуре, объективно реализуется в институциональном пространстве судебной власти» [3, с. 9].

По мнению А.В. Руденко и Е.Ю. Пятница, субъективная беспристрастность «есть личная беспристрастность, а признаками ее нарушения будет наличие личных пристрастий в отношении сторон. Особое отношение будет проявляться в суждениях судьи, в его поведении» [4, с. 173].

Е.Е. Коновалова и Д.П. Чекулаев рассматривают субъективную беспристрастность как «характеристику психологического отношения лица к тому или иному явлению, его субъективную способность объективно оценивать события и факты» [5, с. 111].

Рассматривая субъективную беспристрастность через призму «соотношения разума и эмоций», В.П. Иванский выделяет четыре подхода к ее пониманию: а) формально-рационалистический; б) иррационалистический; в) когнитивистский; г) этико-правовой [6, с. 30].

Итак, субъективная беспристрастность отражает внутреннее состояние судьи, тесно связана с убеждениями и ценностными ориентирами, интеллектуальной, волевой и эмоциональной сферами, а потому сложна для формальной оценки. Может ли политическое или религиозное убеждение судьи, его жизненная философия, его общее мировоззрение, позиция по социальным и правовым вопросам поставить под угрозу его беспристрастность? Об этом уже много говорилось и писалось, поэтому ограничимся несколькими краткими замечаниями.

Отождествление беспристрастности с безэмоциональной формальной рациональностью (формально-рационалистический подход), берет начало из работ Ч. Беккариа, полагавшего, что противостояние между законом и судьей строится на основе непреодолимой пропасти между объективным голосом разума, выражением которого был бы закон, и проявлениями вредного субъективизма, зависящего от совершенно непредсказуемых и произвольных факторов (эмоции, пороки логики, физическое состояние и т.п.). Идеальный судья, по мнению Беккариа, должен был быть автором «совершенного силлогизма», то есть выражать такой тип рассуждения, который, имея две посылки, допускал только одно логически обязательное решение. Представление о том, что роль судьи состоит исключительно в применении к конкретным случаям общих и абстрактных правовых положений, толкование которых соответствует установленным герменевтическим канонам, полагаем несколько утопичным.

Позитивное право далеко не всегда успевает за социальными и технологическими изменениями, что вынуждают судей решать вопросы, которые не в полной мере урегулированы законом. В этой ситуации работа по толкованию и применению норм права все больше требует от судей принятия решений, основанных на ценностях. Более того, судьи нередко оказываются в ситуации «столкновения» конституционных ценностей, регулирующих различные сферы общественных отношений, в рамках одного конкретного правоотношения, что предполагает оценку того, допустимо ли и в какой степени жертвовать одним принципом (ценностью) в пользу другого. Нельзя

отрицать, что при осуществлении этой оценки существенную роль играет набор убеждений, тот образ мышления и понимания жизни, та шкала социальных и моральных ценностей, которой обладает каждый мыслящий и чувствующий человек, а, следовательно, и судья.

Судья не может рассматриваться лишь как технический исполнитель, применяющий формально-логические конструкции, он выполняет значимую социальную роль, а его собственные ценностные установки, эмоции и культурные ориентиры неизбежно оказывают влияние на отправление правосудия. Здесь весьма значим этико-правовой аспект, о котором писал Л.И. Петражицкий. Судья должен быть открыт к аргументам сторон, учитывать специфику каждого дела, при необходимости быть готовым изменить первоначальные убеждения и осознавать значимость права как важнейшего инструмента для регулирования общественной жизни. Беспристрастность также подразумевает осознание вероятностного характера фактической истины, вытекающей из материалов дела.

Беспристрастность не может означать отстраненность или безразличие к политическим событиям и социальным проблемам, затрагивающим страну. Полагаем, что судья, невнимательный к политическим и культурным дебатам и равнодушный к вопросам социальной справедливости, не способен качественно и эффективно выполнять свою роль отправителя правосудия.

В контексте рассмотрения субъективной беспристрастности, необходимо затронуть вопрос, касающийся внесудебного поведения судей. Здесь необходимо найти баланс между двумя противоположными интересами: с одной стороны, правом на полноценное участие в общественной и политической жизни общества, а, следовательно, на объединение и выражение мнения, которым пользуется каждый гражданин; с другой стороны, необходимость предотвратить ситуации, когда определенные связи, поведение или заявления ставят под сомнение (независимо от их обоснованности) способность судьи оставаться беспристрастным при исполнении своих обязанностей. Закон о статусе судей запрещает судьям как членство в политических партиях, так и систематическое и непрерывное участие в их деятельности. Вместе с тем, данный запрет охватывает лишь часть политической активности, его пределами остаётся широкое поле общественной активности, что требует от судьи постоянного самоконтроля и взвешенного подхода к любым формам публичного самовыражения, способным быть истолкованными как проявление политической или идеологической пристрастности.

Беспристрастность и независимость. В.П. Иванский выделяет три основных позиции соотношение независимости и беспристрастности: как взаимосвязанных, но разнородных категорий (право и обязанность), как цели (беспристрастность) и средства (независимость) её достижения, а также как идентичных понятий. В науке доминирует, по мнению В.П. Иванского, трактовка, разграничивающая эти понятия по их природе: беспристрастность – личностно-психологическая характеристика судьи, независимость – внешнее организационное условие судоустройства [6, с. 27].

Л.В. Туманова полагает, что «и независимость, и беспристрастность зависят от личных качеств судьи, а правовыми средствами можно только создавать гарантии защиты от возможного вмешательства в деятельность судьи и исключать ситуации, когда участники процесса будут иметь основания сомневаться в его беспристрастности» [7]. Суждение Л.В. Тумановой справедливо подчёркивает решающую роль личности судьи как субъекта правоприменения, но оно не учитывает сложного взаимодействия между институциональными гарантиями и личностными характеристиками.

Беспристрастность тесно связана с независимостью. Первая касается осуществления судебных полномочий, вторая — статуса судьи. Между ними существует связь, поскольку правовая система гарантирует независимость судьи, чтобы он могли наилучшим образом проявлять беспристрастность. Беспристрастность — это ценность, а независимость — её институциональная гарантия.

Беспристрастность судьи может рассматриваться как обратная сторона независимости в том смысле, что:

беспристрастность можно определить как отсутствие у судьи личной заинтересованности в деле (а при наличии более или менее прямых связей со сторонами дела или с предметом спора российская правовая система предусматривает средства правовой защиты в виде отвода);

беспристрастность означает необходимость для судьи изучить факты дела и истолковать регулирующие их правовые нормы, не принимая чью-либо сторону в споре и не подвергаясь внешнему влиянию.

Одна из главных гарантий независимости судебной власти – гарантия несменяемости судей (пусть и несколько ограничено действующий в отношении мировых судей) – должна уравновешиваться доверием к ним общества. Судьи должны действовать заслуживающим доверия образом, то есть общество в целом и конкретные участники судопроизводства должны быть уверены в отсутствии доказательств, ставящих под сомне-

ние правильность и беспристрастность решений судьи, даже нежелательных, однако основанных на фактах и установленных законом положениях. Всякий раз, когда возникают подозрения в отклонениях от логико-правового подхода, свободного от предвзятости или конфликта интересов, эти доверительные отношения нарушаются, и у граждан возникают сомнения в эффективности и справедливости судебной системы.

Беспристрастность судьи презюмируется в силу независимости судебной власти, обеспечивающей такие внешние условия, при которых судья объективно способен выносить решения, руководствуясь исключительно правом и внутренним убеждением. Эта презумпция носит опровержимый характер и может быть поколеблена только конкретными доказательствами, свидетельствующими о личной заинтересованности или предвзятости судьи в рассматриваемом деле. Этот вывод подтверждается Заключением Совета судей РФ по этике от 15 января 2021 г. № 3-КЭ «О соблюдении требований профессиональной этики мировым судьей, рассматривающим гражданское дело с участием организации, в которой работает супруг судьи, в том числе, при рассмотрении дела в отсутствие надлежаще извещенных сторон, а также при рассмотрении заявления о вынесении судебного приказа» (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 4 февраля 2021 г. № 868), в котором упоминается презумпция беспристрастности судьи и указывается, что оценка обстоятельств, способных поставить её под сомнение, относится к усмотрению самого судьи, а решение вопроса о самоотводе осуществляется на основе процессуального института отводов с возможностью последующего судебного контроля.

В том же Заключении сформулирован еще ряд имеющих принципиальное значение для оценки беспристрастности судьи выводов: (1) сам по себе факт наличия гипотетической возможности «небеспристрастности» (например, в силу работы родственника судьи в организации-участнике процесса), не является безусловным основанием для вывода о наличии конфликта интересов или личной заинтересованности судьи; (2) судья не обязан заявлять самоотвод, если по внутреннему убеждению считает себя беспристрастным, однако он должен информировать участников процесса о таких обстоятельствах, если они могут дать повод сомневаться в его

Независимость и беспристрастность не являются полностью совпадающими понятиями: первое представляет собой необходимое (хотя и не всегда достаточное) условие для гарантирования второго. Однако отсутствие личного интереса со стороны судьи в конкретном исходе спора или каких-либо отношений зависимости от одной из участвующих сторон может не исчерпывать весь спектр ситуаций, в которых вступает в силу обязанность беспристрастности.

Мотивировка решения как гарантия беспристрастности. Обязанность быть беспристрастным тесно связана с обязанностью обосновывать любые судебные решения. КС ФР в Определении № 2124-О от 18.07.2019, указал, что «гарантией соблюдения принципа беспристрастности судьи, рассматривающего дело единолично, при разрешении вопроса о заявленном ему отводе является вынесение мотивированного определения, подтверждающего (выделено нами) отсутствие обстоятельств, которые позволили бы усомниться в его беспристрастности при рассмотрении дела». Именно полнота аргументации при принятии решений выступает внешним выражением внутреннего убеждения судьи и позволяет сторонам, вышестоящим инстанциям и обществу проверить, не повлияли ли на выводы судьи личные предпочтения, предубеждения или иные посторонние факторы. Однако для мировых судей эта гарантия существенно ослаблена: ч. 3 ст. 199 ГПК РФ позволяет им не составлять мотивировочную часть решения, если стороны не заявили соответствующего ходатайства. Это исключение, введённое в целях процессуальной экономии, порождает коллизию: с одной стороны, беспристрастность мирового судьи презюмируется, а с другой – бремя подтверждения беспристрастности судьи фактически перекладывается на стороны, что в условиях правовой пассивности граждан или их низкой информированности лишает общество и суд вышестоящей инстанции надёжных критериев для оценки соблюдения принципа беспристрастности.

Если приведенные в судебном решении рассуждения дают обществу адекватный ответ и представляются в своей основе верными, есть ли смысл в концепции т.н. «субъективной беспристрастности», рассматривающий вопросы публичного поведения, нравственных, идеологических или религиозных убеждениях и политических взглядах судьи? Если исходить из того, что критерием беспристрастности судьи служит исключительно объективная правильность судебного решения, то это неизбежно влечет безразличие к публичному поведению судьи, у которого не было бы никакой обязанности контролировать собственное поведение и публичные заявления. Независимость, подчинение закону, требование беспристрастности обязывают судью при осуществлении своей деятельности соотносить решение с нормативной системой, независимо от его убеждений по данному вопросу и независимо от способов их выражения в его общественной и

частной жизни. Поэтому речь идёт не столько о том, что судья в своей общественной жизни должен воздерживаться от выражения каких-либо мнений, сколько о том, что при оценке конкретного дела он учитывает собственные взгляды и опыт, но сравнивает их с правовой системой, объективируя результат толкования в мотивировке решения, которая может быть обжалована сторонами, проверена вышестоящим судом.

Однако подобная логика представляется нам ошибочной. Она разрывает связь между справедливостью судебного разбирательства и общественным восприятием судьи как нейтрального арбитра. Правильное решение, вынесенное судьёй, который ранее публично высказывался в духе, ставящем под сомнение его объективность, не способно сформировать доверие ни к этому решению, ни к судебной системе в целом. Отказ от субъективной беспристрастности означал бы переход к сугубо инструментальному пониманию правосудия, культивированию канонов правового формализма.

Беспристрастность суда в условиях цифровой трансформации. Вопрос о том, смогут ли новые реалии искусственного интеллекта (ИИ) обеспечить достижение абсолютной беспристрастности суда, весьма актуален. Юристами обсуждается возможность того, что уже сейчас традиционные юридические информационные технологии могут эволюционировать от механико-функциональной стадии к эволюционно-творческой, доверив принятие решений по системе искусственного интеллекта: это отправная точка для того, что в идеале можно описать как «рукопашное» противостояние технологии и человечества.

Логический процесс вынесения судебного решения включает множество переменных: необходимо провести точное и достоверное восстановление фактов; определить применимую нормативно-правовую базу; выбрать вариант толкования, наиболее соответствующий фактам; оценить наличие каких-либо специфических элементов оценки, таких как аналогия, применимость общих принципов, которые должны быть дополнены содержанием, относящимся к фактической оценке, наличие разъяснения ВС РФ или правовых позиций КС РФ. Такое переплетение логических процессов типично для человеческого суждения, где познавательная способность наделена рациональностью и эмоциональностью.

Искусственный интеллект, функционирующий на принципах машинного обучения, не просто воспроизводит заданные алгоритмы, но и генерирует новые выводы, расширяя исходные параметры, что свидетельствует о формировании определённой автономии в принятии решений, основанной на самообучении. Остаётся открытым вопрос: использование ИИ в роли судьи приведёт к большей беспристрастности или, напротив, лишь воспроизведёт и усилит скрытые предубеждения, заложенные на этапе обучения системы? И даже если предположить, что роботизированная система правосудия, управляемая механизмами на основе ИИ, может быть более беспристрастной, есть ли уверенность, что она действительно сможет адекватно учесть все переменные и бесчисленные противоречия, пронизывающие общество и порождающие конфликты, которые судьи призваны разрешать справедливо?

Считаем, что беспристрастность человека, какой бы несовершенной она ни была, является важнейшей гарантией правосудия. Несовершенство человеческой беспристрастности признаётся и компенсируется процессуальными механизмами: институтами отвода и самоотвода, апелляционного и кассационного обжалования, независимостью судейского корпуса, публичностью судебных разбирательств. Чрезмерная вера в беспристрастность и объективность машины может привести к снижению критического отношения к её выводам и, как следствие, к ослаблению механизмов судебного контроля. Поэтому, признавая полезность ИИ как вспомогательного инструмента (для анализа данных, поиска прецедентов, прогнозирования судебных решений), следует категорически исключить передачу ему функции принятия судебного решения — эта функция неотъемлемо связана с ответственностью человека.

Заключение. Беспристрастность по отношению к участникам спора (в гражданском процессе), а также обвинению и защите (в уголовном процессе), их интересам и их противоречащим позициям, является основополагающей характеристикой системы правосудия, фундаментальной этической ценностью. Она тесно связана с отсутствием психологической обусловленности, которая могла бы побудить судью отклониться от логического процесса принятия решения, например в силу внешнего давления, или по иным причинам.

Ни один судья не может абсолютно абстрагироваться отказаться от своего внутреннего мира, системы ценностей, которые его окружают, моральных принципов, на которых он был воспитан, жизненного опыта и восприятия жизни. Эти фундаментальные критерии, которые неизбежно будут влиять на его правопонимание и судебные решения. Вместе с тем, принцип беспристрастность не требует отказа от них, а предполагает уметь избегать их влияния при совершении юрисдикционных действий.

Мотивированность судебных актов является важнейшей процессуальной гарантией беспристрастности, поскольку именно полнота аргументации позволяет сторонам, вышестоящему суду

и обществу проверить обоснованность выводов судьи. Необходимо унифицировать процессуальные нормы о мотивировке судебных актов, усилить этическую составляющую в подготовке и повышении квалификации судей, а также развивать институты общественного контроля за поведением судей вне процесса.

Роботизированная система правосудия будет подпитывать ложные иллюзии беспристрастности, поскольку судейское усмотрение, в отличие от алгоритмического расчёта, всегда включает этические измерения, не сводимые к формальной логике и присущие только человеку.

Список литературы:

[1] Стенограмма Совещания судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов 19 февраля 2026 года // URL: http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/79181.

[2] Трубникова Т. В. Начало беспристрастности суда в уголовном процессе РФ: пренебрежение незаслуженно // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1). С. 51-55.

[3] Сачков А.Н. Российская мировая юстиция в институционально-правовом измерении: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006. 27 с.

[4] Руденко А.В., Пятница Е.Ю. Основные аспекты формирования внутреннего убеждения судьи в результате оказываемого воздействия заинтересованных субъектов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10. С. 172-174.

[5] Коновалова Е.Е., Чекулаев Д.П. Независимость, объективная и субъективная беспристрастность судей в контексте изменения подсудности уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 110-114.

[6] Иванский В. П. Понятие беспристрастности судьи при осуществлении правосудия: основные концептуальные подходы // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17, № 1(58). С. 26-34.

[7] Туманова Л. В. Беспристрастность судьи: реальность и иллюзии // Судья. 2022. № 12(144). С. 23-27.

References:

[1] Transcript of the Meeting of Judges of Courts of General Jurisdiction, Arbitration and Military Courts on February 19, 2026 // URL: http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/79181.

[2] Trubnikova T.V. The beginning of the impartiality of the court in the criminal process of the Russian Federation: neglect undeservedly // Criminal justice. 2013. № 1(1). S. 51-55.

[3] Sachkov A.N. Russian world justice in the institutional and legal dimension: author. dis.... cand. jur. Sciences: 23.00.02. Rostov-on-Don, 2006. 27 pp.

[4] Rudenko A.V., Pyatnitsa E.Yu. The main aspects of the formation of the judge's internal conviction as a result of the impact of the stakeholders // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 10. S. 172-174.

[5] Konovalova E.E., Chekulaev D.P. Independence, objective and subjective impartiality of judges in the context of changes in the jurisdiction of a criminal case // Bulletin of Economic Security. 2024. № 1. S. 110-114.

[6] Ivansky V.P. The concept of impartiality of a judge in the administration of justice: basic conceptual approaches // Law and management. XXI century. 2021. T. 17, NO. 1 (58). S. 26-34.

[7] Tumanova L.V. Impartiality of the judge: reality and illusions // Judge. 2022. № 12(144). S. 23-27.